

*Во времени спутаны корни,
но каждый свое наберет,
что было — отчаянно помня,
что будет — узрев наперед...*

(В. Кулешов, из стихотворения
«За каждую строчку — расплата...»)*

Творчество поэта Валерия Кулешова никак нельзя назвать веселым, легкомысленным или, хуже того, — одноразовым. Он пишет не на забаву дня, а потому его произведения тяжело понять, а еще тяжелее — вникнуть в философию автора.

Да, созданные им образы не каждый читатель сможет сходу расшифровать. Но тот, кому все-таки удастся подобрать ключик к этому шифру, открывает для себя особый мир его творчества, глубину мыслей; и та глубина — бездонна! Глубина — космическая! Погружаясь в нее, открываешь для себя великую тайну, от которой — становится страшно. Страшно от того, что прикоснулся к таинству Вселенной, таинству Мироздания, таинству человеческого бытия и нового познания самого себя.

*Воспряли разом голоса
неведомых людей,
во всеобъемлющих глазах
себя — я разглядел...
(из поэмы «Зов»)*

---

* Здесь и далее в тексте будут приведены стихотворения В. Кулешова.

Разглядеть себя сложно, как и сложна борьба с самим собой. Борьба за очищение себя от скверны и разложения, а значит — за спасение себя от духовной, а вследствие этого, — и телесной погибели. И такая борьба — всегда страдание и боль. Страдание от пережитого ранее, боль от того, что еще предстоит пережить. Валерий Кулешов эту боль видит, он ее чувствует всем своим сердцем, она стонет в его душе, криком отзываясь в стихах:

*Я вижу поле: на меже
топанье темных толп,
людьми не пахнет, и уже
наметил прорву столб.*

*«Своим отпетым — помоги...»
Но всхлипывает топь:
пустые месяц сапоги
былых хозяев плоть.*

*Я вижу небо: ни души
впредь не взойдет на круг,
меня, конечного, тушить
ввысь занесен каблук.*

*И грянул он. Под ним на спектр
рассыпав боль свою,
во мне исхода ищет свет:
я и в земле горю...*

И горение это — не проходит бесследно. Жар и свет, идущие от него, направлены в будущее, согревая и высвечивая иные дни:

*Я вижу время: от меня
оно берет отсчет,
моим огнем воспламенясь,
вконец концов течет.*

*Но не сойти ему на нет,
верша огневорот,
оно опять в тугом узле
меня — мне отдает.*

*Я вижу долю: на семи
мне полыхать ветрах.
Я поднимаюсь от земли
за совесть, не за страх.
(из поэмы «Зов»)*

Чем-то тревожным веет от этих строк, чем-то — страшным. И хочется закрыть книгу, убрать ее в дальний ящик стола. Хочется, но что-то неведомое останавливает, какое-то магическое чувство вновь и вновь притягивает к поэме; и заново открываешь книгу, и вчитываешься, и вдумываешься в эти философские, пророческие слова.

И здесь необходимо привести стихотворение, явившееся как бы предтечей «Зова» (написано за несколько месяцев до начала работы над поэмой):

*Похоже, шорохи беды
вновь за окном моим.
Ко мне, ко мне ее следы,
их бег неумолим.*

*Не совладав с собой, рывком
я распахну окно.
Что в эту ночь меня влекло,
что содрогнуло дом?*

*Шуришит тревожная листва,
высокий холод — зрим:
на землю падает звезда...
И свет, и мрак за ним.
(Стихотворение «Весть»)*

Что же ты говоришь нам, поэт Валерий Кулешов? О чем предупреждаешь в своих стихах, куда зовешь? Что же принесет нам твоя падающая с неба звезда? Какие «огневороты»? Трудно узнать об этом читателю, почти невозможно, остается лишь догадываться.

В 1976 году Валерий Кулешов приступил к написанию своей знаковой поэмы, над которой работал четыре года с шестилетним перерывом. В общей сложности — десять лет! Не побоюсь сказать, что «Зов» — очень серьезное произведение, и свидетельство тому — его многоплановость, его глубина. Поэма несет в себе звучание вечных и, в то же время, — страшных тайн, к которым непременно, в той или иной степени, должно прикоснуться человечество. «Зов» — это голос из будущего, и хотя он уже нашел положительные отклики многих читателей, критиков и литературоведов, но, к сожалению, эта поэма еще не оценена по достоинству современниками.

*Ничто не происходит вдруг
на почве болевой,
нам вечно двигать этот круг,
незримый, огневой.*

*Тем шире он, чем боль больней,
и, звездам в унисон,
вглубь нераспаханных полей
родимую несем.*

*Нам нашей боли не избыть,
власть круга не разнять.
Ловлю в тени слепой избы
хрип бледного коня.
(из поэмы «Зов»)*

Задумался: а ведь все это мне знакомо... Вспомнил — это же Евангелие — «Откровение Святого Апостола Иоанна Богослова» (Апокалипсис). Это же там —

бледный конь, имя которому — Смерть! Это же там упала с неба звезда, имя которой — Полюнь, что означает — Чернобыль. Это же в Чернобыле заросшие травой, почитай — нераспаханные, поля и пустые, почитай — слепые, избы...

Так что же хотел сказать Валерий Кулешов в этих строках? О чем предупредить нас?

Напомню, поэму «Зов» он закончил писать 11 марта 1986 года, а 26 апреля того же года — произошла авария на Чернобыльской АЭС. Что это — мистика? Или сбывшееся пророчество автора? Неужели ему удалось услышать Апокалипсис, а написанные в нем пророчества — изложить в поэтической форме: пережив в себе, и заново, но уже по-своему, их зашифровав?

Вопросов много. Я думаю, что точного ответа мы так и не узнаем. Сам Валерий Владимирович об этом не рассказывает — видимо, есть на то причины, а нам только и остается, что самим искать правильные ответы...

Удивительно, поэма «Зов», а правильное было бы сказать — пророчество Валерия Кулешова, остроактуальна и сегодня. В мире вновь беспокойно: объявил войну терроризм, поднимает голову недобитый в сорок пятом году фашизм, нависла угроза ядерной войны. Сегодня руководители некоторых стран, да и простые люди тоже, словно ослепли. Они словно не видят, в какую пропасть хотят столкнуть себя и все человечество. Таким слепцам и посылает Валерий Кулешов свой «Зов».

*Ничто за мной не пропадет,
другого боль пронзит,
созрев. Туда мы все идем,
куда нам совесть зрит.*

*Рассудят нас огонь и свет,
начало и конец.
В следах восставший горюцвет
не растопчи, слепец.*

*Лишь зубы обломав, узнать,
восторг глотнув и грусть:
не развязать того узла,
что завязала Русь.*

Один из читателей сказал следующее: «Не знаю, о чем эта поэма, но после ее прочтения я не спал всю ночь...». Согласен с ним. Я тоже не знаю, о чем в целом «Зов», но когда я его читаю, меня всегда охватывают какие-то тревожные предчувствия.

Впрочем, наверное, и не нужно задаваться вопросом: о чем «Зов»? Здесь, на мой взгляд, уместен другой вопрос: для чего эта поэма появилась на свет? Однозначно ответить сложно и на это, но понимаешь, что не только для того, чтобы наслаждаться ее прочтением. Уверен, все-таки для чего-то другого — большого, особенного, главного.

Да, тугие узлы завязал Валерий Кулешов — не развязать!..

Беседа Геннадия Маркина с Валерием Кулешовым:

— Валерий Владимирович, во-первых, от лица редколлегии журнала и от себя лично поздравляю тебя с присуждением звания лауреата литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за 2017 год в номинации «Поэзия». Во-вторых, мне очень приятно, что именно ты, давний автор и друг нашего журнала, стал

лауреатом этой премии. В-третьих, хочу сообщить нашим читателям, что мы с тобой знакомы давно, относимся друг к другу по-дружески, а потому будем обращаться друг к другу на «ты». Валерий Владимирович, расскажи о себе.

— Спасибо за поздравление. И давай договоримся: дальше — без отчеств. По имени, добро?

— *Давай без отчеств, нам так привычнее.*

— Теперь — о себе. Правда, в нашем случае, Геннадий, твой собеседник если и заслуживает внимания, то, прежде всего, как стихотворец. Помнишь, у Маяковского: «Я — поэт. Этим и интересен...»

Так вот: первые пробы стихосложения — лет в восемь. Поэзией там, судя по всему, и не пахло, потому в памяти от этого опыта и не осталось ничего. Следующая попытка — в стержневом шестьдесят шестом: окончание школы, Липецкий тракторный завод, любовь, которая, как оказалось, на всю жизнь... Тут уже просматривалось что-то серьезное. Только я все равно большого значения тем стихам не придавал. И лишь шестьдесят девятый год — все перевернул. Но об этом — отдельный разговор.

— *Хорошо, поговорим о другом. В первом номере журнала за 2012 год была опубликована твоя поэма «Зов», которая, по мнению большинства наших читателей, была лучшей поэтической публикацией за год. Однако, члены жюри тогда отдали предпочтение другому поэту. И вот теперь, спустя пять лет, за цикл стихотворений «Персоналия», ты удостоен звания лауреата. Скажи, пожалуйста, не обидно, что награда так долго искала своего «героя»?*

— Да о чем ты, Гена?... Предложив тогда эту вещь к публикации, я хотел, всего-навсего, лишний раз убедиться, что «Зов», спустя и четверть века, — звучит. Ни о чем другом я и не думал.

— *Ну, и как — убедился?*

— Вполне. И это ли не главное? А за премию, конечно, спасибо: и всему редакционному коллективу, и читателям журнала, с пониманием откликнувшимся на мои стихи.

— *Знаю, Валера, что в 2016 году ты участвовал в ежегодном фестивале «Бунинские Озерки», который проходит у тебя на родине — в Становлянском районе Липецкой области. По его итогам твои стихи были напечатаны в столичном журнале «Юность». Расскажи об этом подробнее.*

— Да что рассказывать... Удался фестиваль: и участниками его были люди интересные, и земляки мои гостей принимать умеют. Так что добрую дань памяти первого русского Нобелевского лауреата отдали. А для меня важным оказалось знакомство с главным редактором «Юности» Валерием Дударевым и другими членами редколлегии: Игорем Михайловым, Марианной Дударевой. Похоже, мы друг друга услышали и поняли.

— *Это значит, что творческое сотрудничество с журналом «Юность» у тебя продолжается?*

— Надеюсь, что да. Жду в ближайших номерах публикацию новой подборки стихотворений.

— *Такое отрадно слышать. Но ведь это твое не первое знакомство со столичной литературной элитой. Ты знаком с ней уже давно, с той поры, когда был студентом Литературного института имени Горького. Расскажи об этом периоде своей жизни.*

— Озадачил ты меня, Геннадий: очень не простой она была — та жизнь. Достаточно сказать, что учеба моя в Литинституте растянулась на целых тринадцать лет. Тут, как ни крути, все-таки придется вернуться в далекий шестьдесят девятый год.

— *И что же случилось тогда?*

— А произошла по-своему знаковая встреча. На старый Новый год случилось оказаться в одной интересной компании в писательском доме на Малой Грузинской. Помимо хозяина квартиры, Николая Марковича Микавы, были еще Отар Чиладзе — уже достаточно известный тогда поэт и прозаик, Георгий Садовников, в будущем — автор сценария к популярному и сегодня фильму «Большая перемена», ленинградский актер Владимир Рецептер, приехавший в Москву со своим нашумевшим моноспектаклем по «Гамлету». А также еще несколько литераторов и, странным образом, — мы с Сашкой Бухтояровым, студенты энергетического института. Вот тогда мне и пришлось впервые прочесть свои стихи перед профессионалами.

— ***И как, не боялся оскрачиться?***

— Мандраж, конечно, был, не без этого. Да только деваться мне было некуда: представили-то меня — как молодого поэта, на которого я в ту пору — ну, никак не тянул. К своему изумлению, немало добрых слов я в ответ услышал, что было, явно, незаслуженным авансом. Прозвучало впервые и это — «Литинститут». Так что случилось тогда пробуждение.

— ***Понятно. Но, насколько я знаю, поступил ты туда гораздо позже. Не отважился: мол, куда мне, парню из провинции?***

— Не в этом дело. Желание было огромное, как, впрочем, и понимание того, что идти мне в творческий вуз, в общем-то, не с чем. Важно другое: я стал писать стихи, продолжая по инерции учебу в технических вузах — в Москве, потом в Липецке. И лишь во время армейской службы твердо решил: после — лишь Литинститут. Что и произошло в семьдесят четвертом году.

— ***Как-то в разговоре ты заметил, что учеба твоя в Литинституте проходила сложно. Почему так? Почему пришлось его на время бросить?***

— Коротко тут не ответишь. Но если выделить главное, то оно заключалось, прежде всего, в остром противоречии между ощущением своего потенциала и невозможностью на тот момент в достаточной мере его реализовать. Понимаешь, мне душу как бы распирало изнутри, а выхода — по-настоящему не было. Отсюда — теснота мест, где жил и работал.

Это много позже я понял, что то была не пространственная, а временная теснота. Во времени — вот где по-настоящему было тесно. Не помогал и алкоголь: ни количеством, ни качеством застолий. В том числе — и в известном уже тебе доме на Малой Грузинской...

— ***Значит, с именитыми на тот момент советскими поэтами и писателями, чайку попил?***

— Было дело. Правда, больше с людьми «простыми», и если бы только чайку... Так что расставание с Литинститутом было неизбежным. И это несмотря на то, что к тому времени уже были написаны стихотворения, за которые мне не стыдно и сегодня: «Корни», «Весть», «Сумеречная баллада», «...когда же теплая прохлада...», явившееся прологом в «Зов». Не остановили и добрые отношения, которые, к взаимному удивлению, сложились с руководителем творческого семинара Сергеем Александровичем Поделковым. Позже понял и другое: «*За каждую строчку — расплата, // по полной — расплата судьбой...*». Не обессудь, если и дальше буду ссылаться на собственные стихи. Так, думаю, убедительней.

— ***И что же тебя побудило вернуться в Литинститут? Ведь прошло ни мало, ни много, — семь лет после того, как ты его бросил?***

— А как я его мог обойти, возвращаясь к себе? Если учеба в нем — часть пути? Об этом более точно в «Зове»:

*Из точки вышли все пути,
а в точку по судьбе*

*нам суждено один пройти
путь: от себя — к себе.*

Собственно, я и не бросал свою альма-матер: твердо знал, в отличие от всех моих близких и друзей, что так — расстался на время... Подтвердил это и серьезный разговор с Поделковым, который горячо одобрил мое стремление именно тогда вернуться, пусть и не в его семинар. В багаже у меня уже были такие стихотворения, как «Власть огня», «Услышу ветер — и заплачу...», «Любовь», «Няня», «Мне снилось — умирает мать...», «Гром», «Русь».

Возвращение же это, благодаря легендарному ректору «Лита» Владимиру Федоровичу Пименову, прошло удивительно просто, естественно, как-то даже по-домашнему тепло.

— Ты много лет отдал журналистике, работал в различных газетах, причем, не литературных, в комитете печати администрации Тульской области. Скажи, пожалуйста, журналистика, а тем более журналистское чиновничество, не мешало твоему поэтическому творчеству?

— В Литинституте среди студентов-заочников, а учился я именно на этом отделении, бытовало мнение, что газета — «сушит мозги». Так и говорили друзья-товарищи: беги из газеты! Не знаю, кому как, а мне журналистика не мешала. Скорее, даже помогала.

— Валерий, я знаю, что на эту тему ты разговоры вести не любишь, но не спросить об этом я не могу. А вопрос звучит так: «В чем особенность твоих стихотворений?» По моему мнению, она заключается в их загадочности, в какой-то зашифрованности. Чтобы понять твои стихотворения, читателю необходимо проявить определенные и усилия, и умения. Подскажи, пожалуйста, нашим читателям, где им искать тот самый заветный шифровальный ключ к твоим произведениям?

— Вот известное тебе стихотворение:

* * *

*Лучшую песню оставишь ей,
чуда коснувшись прежде:
вновь на земле оттаявшей
всходит — надежда.*

Знаю, что ты разглядел здесь весну. Все правильно. Однако, многие не видят и этого, не говоря уже о другом, более глубоком. Чья эта «песня»? Кто кому ее оставляет? Что это за «чудо»? Что за «надежда»? О чем, наконец, все это? На такие вопросы ответ находится не сразу. Отсюда — непонимание, даже — раздражение упомянутых читателей. А ведь все — очень просто: достаточно найти тот самый «ключик». Ключевое слово. В данном случае — несколько таких слов. Тогда все становится понятным: что это, в целом, — о жизни, о ее песне, даже если «поет» ее лирический герой. О том, что надежда, вопреки общепринятому, не умирает последней. Вообще — не умирает.

Вот так: на полутонах, на смысловых оттенках, пытаясь использовать все многообразие слова, дерзнув иногда приблизиться к его изначальному смыслу, я и стараюсь создавать образы своих стихотворений. Причем, все это делается — интуитивно.

Не знаю, прояснил я что-то, или, наоборот,— запутал. Но ведь, согласишься, совсем не мое это дело — толковать свои стихи. Дай, Бог, чтобы удавалось их слагать.

— Возьмем твою поэму «Зов». Я лично в ней увидел зашифрованные сведения

о будущем, например, о Чернобыльской катастрофе, о развале страны. Даже расстрел из танков Белого дома увидел.

— Хочешь сказать, что подобрал ключик к «шифру»? *(смеется)*.

— *Да, мне повезло в этом отношении.*

— Это ты так рассуждаешь уже после произошедших ключевых для страны событий, притягиваешь их к моим стихам, не более того.

Но если серьезно, то ничего не могу сказать о танках, однако образ пустых сапог («*Пустые месяц сапоги // бывлых хозяев плоть...*») и меня самого, даже сегодня, обжигает. На Чернобыль же в «Зове» первым указал Владимир Дмитриевич Цыбин. Замечательный поэт, мудрый наставник, — он вообще меня понимал, как никто другой. Куда лучше, чем я сам. Безмерная благодарность и светлая память ему...

Скрывать не буду, предощущение большой беды («*Ловлю в тени слепой избы // хрип бледного коня...*») к завершению поэмы — только нарастало. А 26 апреля 1986 года — это уже удар. Веришь, волосы на голове поднялись. Того коня мне, увы, отстоявить не удалось...

— *Но ведь все прекрасно понимают, что такое на пустом месте не придумать. Валерий, ответь, только честно: что это — мистика или пророчество?*

— Не знаю, Геннадий. И давай не будем об этом. Ясно другое: «Зов» вместили в себя столько, что многое, по-настоящему, открывается лишь сегодня. Во всяком случае, для меня.

— *Что ж, не хочешь говорить — не говори. Но что же тебя подвигло на написание такой многозначной поэмы, как «Зов»? Трудно ли было над ней работать?*

— Хранится у меня интересная папочка в два пальца толщиной, тесемки на которой я завязал 11 марта 1986 года. Завязал — и больше не развязывал. А на доньшке ее — листок, на котором расписана вся структура «Зова», как я увидел ее в ночь на 18 декабря 1983 года. И самое интересное, что все по этой структуре и выстроилось: и «Сны», и «Яви», и «связки» между ними — вплоть до числа строк. Как так получилось — не знаю. А папку — не развязываю: боюсь. А вдруг — и не было того листочка, вдруг все — привиделось мне, вдруг — не со мной это было?..

Слагался же «Зов» — по зернышку, по крупичкам — в каком-то полутрансе. Я одного боялся: не угодить бы под машину, потому что вход в такое состояние происходил всегда неожиданно. И вернее всего это удавалось в автобусах по пути в Тулу и обратно (работал я тогда в многотиражке «За инженерные кадры» Политеха). Можно сказать, что «Зов» вытянут на маршруте «Щекино — Тула». Вот и суди: каково было для меня и моих близких это время длиной в два года и три месяца.

— *Вернемся к перестройке, дальнейшему развалу страны, картины которых я увидел в «Зове». Некоторые клянут те времена, другие превозносят. Ты с кем — с первыми или со вторыми?*

— Хочешь сказать: с «красными», или с «белыми»? С народом, Геннадий. Как бы громко это ни звучало. А он у нас — удивительный. И, поверь, чистых, светоносных людей — куда больше. Я это точно знаю. Так было, так есть, и так, уверен, будет. И доброго здравия тем, кто с нами, и светлая память тем, кто ушел.

А поему:

Что делать?..

Отчий край, — ответь.

И отзыв — вдалеке:

— Как прежде,

Песнь родную петь

на русском языке.

— *У тебя есть стихи, в которых ты упоминаешь и о падающей с неба звезде, и о бледном коне, и о слепых домах, и о горящей мертвой воде. На мой взгляд, во всем твоём творчестве прослеживается Евангельская направленность. Как ты считаешь, можно ли твоё творчество назвать христианским?*

— Я его так никогда не определял. Хотя, если вспомнить «Голос»... Не знаю, со стороны — видней.

— *А вообще, по твоему мнению, какая литература более соответствует христианским ценностям, современная или советская?*

— Настоящая.

— *То есть, в современной литературе христианские традиции сохранены?*

— Если это подлинная, истая литература, созданная на русском языке, то христианство — везде. Впрочем, несет она в себе и голос иных, куда более древних верований. В том числе — язычества. («Мы — звездные корни...»).

— *А как ты оцениваешь современную поэзию, да и вообще современную литературу в целом?*

— Если честно, то я ее плохо знаю. Так уж получилось по ряду причин. Из того же, с чем знаком, то большинство из написанного стихами мне просто не интересно. Вторичность, перепевы, отсутствие подлинных поэтических открытий... Много суе- ты, легкомыслия, чего я вообще не приемлю.

А ведь есть они — поэты. Не может их у нас не быть: родной язык не позволит, какое бы время на дворе ни стояло. Живут себе — вдали от столиц... Немного их, но они — есть. Просто их мало кто сегодня знает. Как до недавнего времени в липецких краях жила и творила Людмила Парщикова... К великому сожалению, нет ее с нами, но стихи — остались.

— *А как же знаменитое пушкинское: «Поэзия должна быть глуповатой»?*

— Но и здесь — о том же самом. О том, что поэзия не должна быть рассудочной, она есть то — что не из головы, а из сердца, не от разума, а от чувств, не столько от знания, сколько от интуиции. В самом верном случае — она исходит от пра-чувства и от пред-чувства одновременно, от их воссоединения. В итоге проявляется То, что стоит над чувством. Непонятно излагаю? Тогда так:

* * *

*Боже,
заботу —
самую важную —
дай донести за остаток лет.
Я и живу,
покуда выхаживаю
в слове посеянный свет.*

Но, заметь, все это — мои личные правила и законы. Потому об этом и говорю, никому ничего предлагать не собираюсь.

— *На твой взгляд, писатели продолжают оставаться «инженерами человеческих душ»?*

— Я это определение не очень люблю. Думаю, писатель призван способствовать очищению.

— *В феврале месяце 2017 года в Москве пройдет очередной съезд Союза писателей России. Что ты от него ждешь? (интервью готовилось в январе 2018 года. Авт.)*

— Мало хорошего. И рад буду ошибиться.

- **Что бы ты хотел пожелать нашим читателям?**
— Многие... и своим — тоже. А можно стихи?
— **Конечно, с удовольствием!..**
— Тогда эти:

* * *

*Махнув рукою на себя,
я песнь мою вспугнул...
(из поэмы «Зов»)*

*Все верно.
Снова жизнь — не жизнь,
а так — худой мешок...
Но коли посох цел — держись,
хватив на посошок.*

*Глядь, камень своротив с души,
нежданно пропоешь:
— Рукой напрасно не маши,
вдруг Ангела
вспугнешь.*

— **Спасибо, Валерий, за честную беседу и за прекрасные стихи. Творческих тебе успехов!**

На фото: поэт Валерий Кулешов, зав.отделом прозы Г. Маркин и зав. редакцией журнала М. Баланюк во время церемонии вручения диплома лауреата литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.